

Н.Н. Ступницкая

ОТ ДОСТОЕВСКОГО К СОЛЖЕНИЦЫНУ

Художественный мир, созданный Солженицыным, опирается на отечественную и мировую этико-философскую и эстетическую мысль. «Художественный опыт русской классики, – по мнению А.В. Урманова, – органично входит в художественное сознание современного писателя, о чем свидетельствует постоянное и целенаправленное использование тем, мотивов и образов, разработанных классическими реалистами, а также опора на их этические идеи» [12, с. 181]. Типологический ряд, в который ставится Солженицын, довольно широк, однако многие исследователи отмечают связь писателя с такими русскими классиками XIX века, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. Цель данной статьи – выявить общность мировоззренческой позиции и восприятия творчества Солженицына и Достоевского. С точки зрения Ф. Воронова, «онтологические вопросы героев Достоевского для героев Солженицына стали вопросами экзистенциальными, попросту: ежечасного нравственного выбора, от которого и жизнь зависит» [3, с. 17]. С. Залыгин считает, что «рассказанное Достоевским читается нынче как предисловие к Солженицыну» [6, с. 236].

С нашей точки зрения, осмысление общности и своеобразия этих писателей необходимо начинать с анализа особенностей восприятия их творчества.

Прижизненная критика Достоевского, прежде всего, задавалась вопросом о достоверности изображения представителей революционного движения 60-х годов XIX века, упрекая писателя в карикатурности и фантастичности героев романа.

Только в начале XX века проблема надвигающейся русской революции стала рассматриваться в аспекте христианского мироощущения автора. С.Н. Булгаков в статье «Русская трагедия», опубликованной в 1914 году, писал: «Ибо, если Достоевский действительно прозирал в жизни ее трагическую закономерность, тогда уж наверное можно сказать, что не политика как таковая существенна для этой трагедии и есть в ней самое важное. Политика не может составить основы трагедии, мир политики остается вне трагического, и не может быть политической трагедии в собственном смысле слова. Политические ценности относятся к миру феноменального, временного, производного, трагедия же стремится проникнуть всегда к сверхвременному, глубинному, ноуменальному, хотя, конечно, извне она может облекаться хотя бы и в политические формы. И политика в «Бесах» есть нечто производное, а потому и второстепенное. Не в политической инстанции обсуждается здесь дело революции и произносится над ней приговор. Здесь иное, высшее

судьбище, здесь состязаются не большевики и меньшевики, не эсдеки и эсеры, не черносотенцы и кадеты. Нет, здесь «Бог с дьяволом борется, а поле битвы – сердца людей», и потому-то трагедия «Бесы» имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе зерно бессмертной жизни, луч немеркнувшей истины, как и все великие и подлинные трагедии, тоже берущие для себя форму из исторически ограниченной среды, в определенной эпохе»[2].

По прошествии более ста лет с момента написания «Бесов» его истинное значение только начинает осмысливаться. Сегодняшний читатель видит трагедию героев не столько в ложности их политических устремлений, которые явились следствием духовного заблуждения, сколько в утрате религиозно-нравственной обусловленности поступков, в потере способности различать добро и зло, в сглаживании этих понятий. «Задавая свои вопросы Достоевскому, я знаю, что обращаюсь по точному адресу: современность далеко не изжила тех проблем, которые решались в творчестве этого писателя. Сегодня, как и семьдесят лет назад, говорить о Достоевском – значит постигать психологию, идеологию, политическую механику революции на уровне и откровения, и пророчества, и предостережения» [9, с. 260].

Исследование творчества Солженицына также можно разделить на несколько периодов. Первый этап начался в 1962 году и связан с выходом в свет его повести «Один день Ивана Денисовича». Читателей того времени восхищала, прежде всего, смелость писателя, открыто сказавшего о существовании сталинских лагерей. Литературно-общественная среда шестидесятых годов восприняла Солженицына как проводника идей XX съезда. При анализе произведений Солженицына в то время основное внимание уделялось их идейно-тематическому содержанию, практически полностью игнорировались собственно художественные аспекты. Объясняется это, прежде всего, тем, что писатель и исследователи его творчества находились в диаметрально противоположных культурных пространствах: Солженицын – в поле христианской системы ценностей, критики – в узких рамках диалектико-материалистического мировоззрения и партийной идеологии.

Дальнейшее изучение романа ознаменовалось смещением акцентов с исследования идейно-тематических особенностей произведения на своеобразие солженицынских образов.

В наше время творчество А.И. Солженицына начинает восприниматься по-новому. Нельзя не согласиться с П.Е. Спиваковским, который полагает, что «примитивно-политизированное прочтение его произведений выглядит теперь безнадежно архаичным и неадекватным. И все большую значимость приобретает интеллектуальная и религиозно-этическая глубина солженицынских текстов, не замеченная да и не понятая в пылу политических

страстей. Однако и сейчас мы находимся лишь в самом начале пути к истинному пониманию творческих прозрений великого писателя» [11, с. 67].

Сходство в восприятии произведений не является единственным фактом общности писателей. Обращает на себя внимание то, что сюжет у Достоевского, так же как и у Солженицына, представляет собой борьбу идей.

Если сравнивать диалоги героев Солженицына и Достоевского, то наблюдается следующее различие: герои Достоевского зачастую ведут идеологические споры сами с собой или со своими двойниками. Подобный характер носят разговоры Ивана Карамазова с чертом или со Смердяковым («Братья Карамазовы»), между Раскольниковым и Свидригайловым («Преступление и наказание»). Не менее характерна для диалогов героев Достоевского форма исповеди: таковы, например, многочисленные исповеди разных героев перед Алешей Карамазовым.

Противоположные мнения в романе Солженицына высказывают героико-оппоненты. Столкновение разных, а порой и диаметрально противоположных мнений позволяет героям Солженицына осмыслить окружающую действительность. «Герой Достоевского старается разобраться в самом себе, герою же Солженицына некогда заниматься такой «роскошью»: на него давит внешняя действительность, которая требует ясности, а это не легко» [7, с. 118]. С нашей точки зрения, с подобным утверждением Л. Клейман нельзя полностью согласиться. Внутренние конфликты персонажей находят свое отражение не только в поведении, но и в высказываниях героя. Безусловно, животрепещущей является тема социального устройства страны, но не менее важно восприятие героями советской действительности, что обусловило разнополярность взглядов на происходящее.

Действие романа «В круге первом» развивается в диалогах и ожесточенных спорах героев. Однако спор идет не только между угнетателями и угнетенными, но и внутри самого социума узников. В этом специфическом пространстве пересекаются различные точки зрения, в том числе и абсолютно антагонистичные. Такой художественный прием позволяет Солженицыну создать эффект пространственной и временной открытости картины бытия, дает читателю возможность воспринимать изображаемые в романе события как часть глобального и вневременного этико-философского диалога.

Центральное место в интеллектуальном поле романа занимает дискуссия о путях развития России. Выразителями этих взглядов выступают Нержин, Рубин, Сологдин, живущие одновременно как бы в двух мирах: в реальном мире спецтюрьмы МГБ и в мире вечных этико-философских идей. Спор героев-идеологов образует интеллектуальное ядро романа. Действительность познается не только через конкретно-чувственное восприятие персонажей, но и посредством выработанных мировой художественной и философской мыслью

универсальных идей и образов. В изображении Солженицына, Марфинская шарашка предстает областью духовной свободы, а ее узники – носителями культуры. Герои-идеологи часто демонстрируют свою эрудицию, цитируя философов и писателей. А.В. Урманов отмечает: «Сама реальная действительность в этом случае несколько смещается на второй план, “покрывается философской мыслью, “оплетается” заимствованной мудростью, не только показывается, изображается, но и интерпретируется, оценивается сквозь призму мировых философских учений”» [12, с. 182].

Немаловажной представляется связь с Достоевским ввиду того, что действительность тоталитаризма, изображенная в романе Солженицына, была предсказана и в наиболее существенных чертах предугадана автором «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Как известно, Шигалев, идеолог социализма в «Бесах», предлагал: «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, в роде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» [4, с. 373].

Другой литературный глашатай тоталитаризма, католический кардинал, предвкушал, как «сто тысяч страдальцев» добровольно возьмут на себя проклятие познания Добра и Зла, а заодно и бремя власти над «тысячами миллионов младенцев» [5, с. 284]. Сталинское воплощение марксизма-ленинизма обеспечило мечтам персонажей Достоевского желанный плод: абсолютную и безграничную власть единственного и непогрешимого Вождя Всего Прогрессивного Человечества. Стесненные в своих фантазиях модными либеральными идеями того времени и Шигалев и Великий Инквизитор соизволили даровать свободу «десятой доле». Сталину же не было нужды стесняться, и он, по мнению С. Русланова, «довел идею тоталитарного правления до предельной точки: ни пролетарское происхождение, ни партийный билет не давали охранной грамоты от его произвола» [8, с. 281-282].

Учитывая специфику солженицынского повествования, а именно: отсутствие главного героя, – рассмотрение персонажей произведения в их совокупности и взаимодействии является необходимым условием для понимания как творческого замысла, так и мировоззренческой позиции писателя. Отсутствие доминирующего мировоззрения обусловило возможность сосуществования различных точек зрения, что позволяет сделать вывод о полифоничности романа Солженицына. Говоря о солженицынских персонажах, важно отметить, что наиболее полно авторская позиция раскрывается не в словах одного героя, а в сложной системе их взаимоотношений, и авторское видение мира может быть определено лишь при анализе всей этой системы.

Выявляя значимость идей персонажей, Достоевский стремится сохранить свободу героя в идеологическом споре. Такая свобода достигается нарочитым невмешательством автора в ход идеологических споров. Не случайно важнейшие из этих споров даются Достоевским в форме «чистого» диалога, лишённого каких бы то ни было авторских комментариев.

На слово Достоевский возлагал особые надежды, осознавая его роль в духовном становлении человека. «Слово звучащее, слово воплощенное – великое дело, но дело не только культурно-просветительское; оно, в глазах Достоевского было призвано осуществить главную генеральную идею искусства – “восстановление погибшего человека”» [9, с. 128]. До конца своих дней Достоевский возлагал особые надежды на взрыв самосознания, на гласность, которая станет общественным мировоззрением.

Такая же вера в слово и у Солженицына. Ставя нравственность во главу угла, Нержин (один из персонажей романа «В круге первом») обращается к христианскому вероучению. «...Ведь помните: в Начале было Слово. Значит, Слово – исконней бетона? Значит, Слово – не пустяк?» [10, с. 687]. Именно слово может привести человека к внутренне осознанной необходимости придерживаться принципов морали и строить свою жизнь, руководствуясь нравственными устоями. Нержинская вера в силу слова созвучна с первыми строками Евангелия от Иоанна. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [1, с. 100]. В слове сливаются знания прошлого, настоящего и будущего. Солженицын призывает нас к терпимости в той же мере, что и к принципиальности. Осознавая природу заблуждений и предрассудков, он понимает и способы борьбы с ними, более действенные и радикальные, чем прямое насилие.

Собранный в этой статье материал, несмотря на вынужденную неполноту, позволяет сделать вывод, что Солженицын не копирует слепо Достоевского, а осмысливает его идеи, перерабатывает их и даёт им собственное воплощение, отличное от того, которое было представлено автором «Бесов». Выявление общности и в то же время самобытности этих писателей представляет интерес для дальнейших исследований.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. [Перепечатано с Синоидального издания]. – Chicago, USA. – 1990. – 1226 с.
2. Булгаков С. Н. Русская трагедия. О «Бесах» Ф. М. Достоевского в связи с инсценировкой романа в Московском Художественном театре //

- С. Н. Булгаков. – Библиотека «Веги». – Режим доступа : <http://www.vehi.net/bulgakov/tragediya.html>
3. Воронов Ф. В поисках истины: К публикации прозы А. Солженицына / Ф. Воронов // Литературная Россия. – 1989. – 7 июля. – № 24. – С. 16–17.
 4. Достоевский Ф. М. Бесы : [роман] / Ф. М. Достоевский. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1991. – 653 с.
 5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : Роман в четырех частях с эпилогом / Ф. М. Достоевский. – М. : Художественная литература, – 1973. – 815 с.
 6. Залыгин С. П. Год Солженицына / С. П. Залыгин // Новый мир. – 1990. – № 1. – С. 233–240.
 7. Клейман Л. Человек и природа в произведениях А. Солженицына (Некоторые аспекты темы) / Л. Клейман // Грани. – 1972. – № 86. – С. 117–137.
 8. Русланов С. Эпигон Великого Инквизитора. К портрету Сталина в романе А. И. Солженицына «В круге первом» / С. Русланов // Грани. – 1974. – № 92–93. – С. 279–294.
 9. Сараскина Л. И. «Бесы»: Роман – предупреждение / Л. И. Сараскина. – М. : Советский писатель, 1990. – 480 с.
 10. Солженицын А. И. В круге первом : [роман] / А. И. Солженицын. – М. : Художественная литература, 1990. – 765, [1] с. – (Текст).
 11. Спиваковский П. Е. Академик Александр Исаевич Солженицын (к 85-летию со дня рождения) / П. Е. Спиваковский // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62, № 6. – С. 62–67.
 12. Урманов А. В. Творчество Александра Солженицына : учебное пособие для студентов и преподавателей филологов / А. В. Урманов. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 380 с.

Анотація

Ступницька Н.М. Від Достоевського до Солженіцина. – Стаття.

У статті показано, що художній світ, створений Солженіциним, спирається на вітчизняну та світову етико-філософську та естетичну думку, виявлено схожість у світоглядній позиції і сприйнятті творчості Солженіцина та Достоевського.

Ми доходимо висновку, що незважаючи на певну близькість двох письменників, Солженіцин не сліпо копіює Достоевського, а обмірковує його ідеї, перероблює їх та надає їм власного втілення, яке є відмінним від того, яке було представлено автором «Бісів».

Ключові слова: художній світ, етико-філософську та естетичну думка, світоглядна позиція, власне втілення, автор.

Аннотация

Ступницкая Н.Н. От Достоевского к Солженицыну. – Статья.

В статье показано, что художественный мир, созданный Солженицыным, опирается на отечественную и мировую этико-философскую и эстетическую мысль, выявлено сходство в мировоззренческой позиции и восприятии творчества Солженицына и Достоевского.

Мы приходим к выводу, что несмотря на определенную близость двух писателей, Солженицын не копирует слепо Достоевского, а осмысливает его идеи, перерабатывает их и дает им собственное воплощение, отличное от того, которое было представлено автором «Бесов».

Ключевые слова: художественный мир, этико-философская и эстетическая мысль, мировоззренческая позиция, собственное воплощение, автор.

Summary

Stupnitskaya N.N. From Dostoevsky to Solzhenitsyn. – Article.

We show in the article that Solzhenitsyn's artistic world is relied on native and world ethic and philosophic and aesthetic thought. Similarity in the world-view attitude and perception of Solzhenitsyn and Dostoevsky works are revealed in the article.

We come to the conclusion that Solzhenitsyn doesn't imitate Dostoevsky blindly in spite of certain resemblance of two writers. Solzhenitsyn comprehends of Dostoevsky ideas, transforms them and gives them own implementation which is different from the embodiment which was presented by the author of "The Possessed".

Key words: artistic world, ethic and philosophic and aesthetic thought, world-view attitude, own implementation, author.